

О понятиях общественного бытия, социальной реальности и общественного сознания

Александров В. Б.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье решается задача переосмысления известной формулы «общественное сознание отражает общественное бытие», для чего предлагается пересмотр всех трех категорий, составляющих данное высказывание. Показывается ошибочность стремления исключить сознание из сферы бытия. В частности, критически рассматривается точка зрения, в соответствии с которой незнание людьми закономерностей осуществляемой ими деятельности, дает основание для исключения их сознания из сферы бытия.

В статье проводится мысль о том, что следует различать понятия общественного бытия и социальной реальности. Социальная реальность всегда отнесена к определенному коллективному субъекту и, с одной стороны, полагается его практически-духовной деятельностью, а с другой — от является предметом рефлексии. Будучи рассматриваема как предмет рефлексии, социальная реальность выступает как бытие. Последнее в данном случае не сводимо к экономическим отношениям — оно включает в себя весь круг отношений (политических, идеологических и пр.), предметную реальность, культуру, традиции, с которыми ему приходится взаимодействовать и которые он определяет для себя как некоторую данность. Бытие субъекта может определяться степенью развитости способности к рефлексии, присущей его сознанию. Выделяются нерелективное бытие, релективное не концептуальное бытие и концептуально-релективное бытие.

Предложенная парадигма позволяет определить смысл социально-преобразующей деятельности, направленной на формирование единства общества, как взаимную интерпретацию различных реальностей, носителями которых являются различные социальные субъекты. Эта взаимная интерпретация осуществляется в сложном и непрерывно совершенствующемся процессе духовной жизни, в произведениях искусства, богословских текстах, философских трактатах, соотносящих различные образы социальной реальности и развивающих рефлексию над ними.

Ключевые слова: общественное бытие, социальная реальность, коллективный субъект, рефлексия, социальные преобразования

About Concepts of Social Being, Social Reality and Social Consciousness

Aleksandrov V. B.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; vladboralex@mail.ru

ABSTRACT

In article the problem of reconsideration of the known formula “public consciousness reflects social being” is solved for what revision of all three categories which are this statement is offered. Is shown inaccuracy of aspiration to exclude consciousness from the sphere of being. In particular, the point of view according to which ignorance by people of regularities of the activity which is carried out by them, gives the grounds for an exception of their consciousness of the sphere of life critically is considered.

In article the thought that it is necessary to distinguish concepts of social being and social reality is carried out. The social reality is always referred to a certain collective subject and, on the one hand, it is necessary its practical and spiritual activity, and with another is a reflection subject.

Being considered as a reflection subject, the social reality acts as life. The last in this case is not reduced to the economic relations — it includes all circle of the relations (political, ideological and so forth), subject reality, culture, traditions with which it should interact and which it defines for itself(himself) as some reality. Life of the subject can be defined by degree of development of ability to a reflection inherent in his consciousness. Not reflective life, reflective not conceptual life and conceptual and reflective life are allocated.

The offered paradigm allows to define sense of the social and reformative activity directed to formation of unity of society as mutual interpretation of various realities which carriers are various social subjects. This mutual interpretation is carried out in the difficult and continuously made process of spiritual life, in the works of art, theological texts, philosophical treatises correlating various types of social reality and developing a reflection over them.

Keywords: social being, social reality, collective subject, reflection, social transformations

Можно назвать некоторые философские положения, которые, приобретая статус очевидности и даже своеобразного фольклора, жизненных мудростей, наподобие античных гном, существуют как бы параллельно с реальной жизнью, не обнаруживая своей значимости в повседневной практике. К ним обращаются лишь в определенных ситуациях, когда оказывается возможным «подогнать» под них интерпретацию рассматриваемых событий. К числу таких положений относится и известный принцип марксистской социальной философии, сформулированный Марксом в Предисловии к «Критике политической экономии», о том, что «общественное бытие определяет их (людей — В.А.) сознание» [5, т. 1, с. 322]. В более конкретной формулировке, которую мы встречаем у В. И. Ленина, это положение выглядит так: «общественное сознание отражает общественное бытие — вот в чем состоит учение Маркса» [4, с. 343]. Данный принцип, будучи принимаем в его словесном выражении, тем не менее, в смысловом отношении, вызывал определенные разночтения и оставался темой разного рода интерпретаций в работах как философов эпохи доминирования марксистской идеологии, так и в трудах современных авторов, по-разному относящихся к философии марксизма. В данной статье мы постараемся присмотреться к этому принципу и проанализировать его с точки зрения значения для реальной социальной практики.

Начнем с достаточно очевидной констатации необходимости уточнения всех трех основных концептов, которые образуют его содержание. Мы имеем в виду и «общественное бытие», и «общественное сознание», и «отражение». Причем, строго говоря, такое уточнение предполагает не просто переопределение каждого из них самого по себе, а выяснение осмысленности связки этих понятий в целом, внутри которой эти, казалось бы, давно и глубоко проработанные категории наделяются привычным для нас содержанием.

В качестве точки отсчета возьмем известные слова В. И. Ленина из его труда «Материализм и эмпириокритицизм», в котором видела свои истоки марксистско-ленинская философия. В этой книге среди прочего автор отстаивает чистоту марксизма в вопросе о материалистическом понимании истории, суть которого выражается в сформулированном выше принципе. Оппонентами, подвергаемыми Лениным уничижительной критике в этой работе, являются представители махизма и его вариантов и, в частности, эмпириомонизма, представлявшего в философии русским мыслителем А. Богдановым, который, по словам В. И. Ленина, заявляя о себе как приверженце марксизма, «поверил» всякого рода «идеалистам и гносеологическим солипсистам», пытающимся ниспровергнуть рассматриваемый принцип. Между тем позиция Богданова, многократно заклеянная в марксистской литературе, на сегодняшний день выглядит во многом справедливой и даже очевидной. Вот его слова: «Социальная жизнь во всех своих проявлениях есть сознательно психическая... Социальность нераздельна с сознательностью. Общественное бытие

и общественное сознание, в точном смысле этих слов, тождественны» [цит. по: 4, с. 342].

Критикуя данную позицию, В.И. Ленин не отрицает того, что люди вступают в общение или включаются в определенную деятельность как сознательные существа. Однако он полагает, что это не означает, так сказать, «сознательности» бытия. По его мнению, об общественном бытии мы говорим тогда, когда имеем в виду неосознанность сущности процессов, в которые вовлечен субъект деятельности. «Из того, что люди вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, никоим образом *не следует*, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию. Вступая в общение, люди во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях — и особенно в капиталистической общественной формации — *не сознают* того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д. Например, крестьянин, продавая хлеб, вступает в «общение» с мировыми производителями хлеба на всемирном рынке, но он не сознает этого, не сознает и того, какие общественные отношения складываются из обмена» [4, с. 343]. С чем можно согласиться при рассмотрении данного высказывания, так это с неприятием утверждения о тождественности общественного сознания общественному бытию. Очевидно, сознание не тождественно бытию, поскольку сам способ существования сознания принципиально отличается от той формы, которую оно обретает, будучи воплощенным в человеческих действиях, составляющих социальную реальность. Сознание как таковое — это сфера духа, структурируемая категориальным аппаратом мышления; будучи воплощенным в человеческих действиях, оно начинает существовать по законам предметной реальности в пространственно-временных формах.

Вместе с тем вызывает критическое отношение осуществленное автором смешение темы тождественности общественного бытия и общественного сознания и темы «сознательности бытия». Думается, что эти две позиции — тему наполненности общественного бытия сознанием, включенности сознания в бытие как его неотделимой стороны и тему тождественности — необходимо принципиально разводить. «Не тождественность» общественного сознания и общественного бытия в указанном выше смысле не означает отказа от того положения, что социальная жизнь во всех своих проявлениях, в том числе в тех, которые марксизм обычно относит к бытию, является «сознательно-психической». Между тем В.И. Ленин, как отмечалось, признавая, что люди вступают в общение как сознательные существа, исключает сознание из сферы общественного бытия. При этом основанием для этого у него выступает непонимание субъектом деятельности законов осуществляемой им деятельности, ее глубинной сути.

Такая позиция требует ответа на ряд вопросов. Во-первых, можно ли считать, что в том случае, когда вступают в общение и осуществляют некоторую деятельность в сфере торгового обмена профессионалы-экономисты или просто люди, хорошо знающие экономику, — мы по-прежнему будем иметь только лишь «чистое» бытие без всякого наполнения сознанием? И, с другой стороны, — сохраняется ли принцип отражения общественного бытия общественным сознанием для сознания простых людей, не отягощенного необходимым уровнем концептуальной подготовки?

Из приведенной цитаты классика естественным образом следует, что в «отражательной функции» отказывается обыденному сознанию и к общественному сознанию относятся лишь теории, могущие раскрыть сущность процессов, протекающих в сфере экономики. Соответственно, субъектами общественного сознания в свете такого подхода являются профессионалы, сумевшие раскрыть эту суть в своих теориях.

Но в этом случае встает другой вопрос: не упрощаем ли мы ситуацию, называя ту или иную теорию отражением, в то время, когда на каждом историческом этапе существует множество теорий, претендующих на верное и даже научное понимание социальной реальности? Не меняет дела и оговорка о том, что отражение может быть «верной приблизительно копией отражаемого». Любой теоретик примет такую оценку своих построений — она очевидна — и откажет в ней своему оппоненту.

Главный порок такого подхода, на наш взгляд, — упрощенное понимание сущности материализма применительно к обществу, связанное с тем, что его автор проходит мимо специфики той реальности, которую он называет общественным бытием. Легко произносимая формула, выражающаяся в словах «общественное бытие и общественное сознание не тождественны, совершенно точно так же, как не тождественны бытие вообще и сознание вообще» (там же, с. 343), по сути дела скрывает нежелание размышлять на эту тему. Не застревая на термине «тождественны», заметим, что общественное бытие является тем особым видом бытия, для которого наполненность сознанием является специфической чертой. Эта наполненность социального бытия «сознательностью» является очевидной не только для абсолютного идеализма Гегеля с его принципом тождества бытия и мышления, но и для многих других больших философий — философии Хайдеггера, феноменологии и др. В определенном варианте такую позицию можно встретить и в отечественной литературе постсоветского времени. Так, В.С. Барулин писал, что одна из важнейших черт сознания общества заключается в том, что «сознание выступает не просто как отражение бытия, сторона человеческой деятельности, а как сама человеческая жизнь, как грань жизни. Иначе говоря, сознание бытийственно. С этой точки зрения и общественное сознание выступает не только как идеальный образ общества, регулятив его деятельности, но и как сама жизнь общества, сама общественная жизнь» [1, с.188].

Приведенное высказывание, будучи справедливым в части утверждения о том, что сознание «бытийственно», содержит в себе определенную недосказанность по вопросу о понимании сущности общественного бытия. Между тем в нем происходит своеобразное противопоставление авторской позиции сложившейся в отечественной литературе трактовке понятия общественное бытие. Обратимся, например, к авторитетному изданию советской эпохи — Философской энциклопедии. В ней общественное бытие недвусмысленно противопоставляется общественному сознанию как реальность, существующая независимо от него. Формула, которую мы находим в этом издании, звучит вполне определенно: «общественное бытие людей — это и есть та объективная общественная реальность...которая отражается в общественном сознании» [8, с. 423]. Ни о какой «сознательности бытия» речи здесь не идет.

Формула «общественное сознание отражает общественное бытие» вызывает сомнение и в еще одном важном отношении. Дело заключается в том, что говорить об обусловленности содержания общественного сознания общественным бытием в целом, по меньшей мере, не продуктивно, если не сказать бессмысленно, поскольку общественная реальность неоднородна и сложно структурирована, как, впрочем, и призванное ее отразить общественное сознание.

В силу этого обстоятельства возникает естественная необходимость уточнения понятия общественное бытие. Первый шаг, который представляется нам необходимым сделать, это признать, что понятие общественного бытия, имея определенный смысл как своего рода метафизическая сущность, в контексте рассуждений об обществе вообще, теряет свое значение в случаях необходимости решения конкретных задач влияния на те или иные социальные процессы.

На наш взгляд, предметно и осмысленно можно говорить не об общественном бытии, а о бытии конкретного социального (коллективного) субъекта, как той реальности, которую он находит существующей, вступая в активную социальную жизнедеятельность, и которая, так или иначе, определяет его сознание, т. е. понимание окружающего мира и самого себя.

Второй шаг, который необходимо сделать на пути конкретизации данного понятия, — это определение содержания той реальности, которую мы называем общественным бытием. В отечественной литературе существуют разные точки зрения по данному вопросу, но в целом они сводятся к тому, что общественное бытие — это экономические отношения, сложившиеся в данном обществе. И, если следовать точке зрения В. И. Ленина, приведенной выше, это тот уровень этих отношений, на котором не осознается лежащая в их основе закономерность.

Но можно ли остановиться на таком представлении о той реальности, которая определяет сознание социального субъекта? Исчерпывается ли ее содержание экономическими отношениями? Не требуется особых аналитических усилий для того, чтобы осознать, что такая реальность, которую мы определяем как бытие, не сводится к экономическим отношениям, она значительно разнообразнее и включает в себя отношения и процессы, фиксируемые во всех сферах общественной жизни. Кстати говоря, на это обстоятельство указывал и один из основоположников марксизма. Мы имеем в виду пояснения по поводу своей социальной концепции, которые сделал Ф. Энгельс в знаменитом письме И. Блоху. В нем он вполне определенно указывал: «Мы делаем нашу историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими. Но и политические условия и т. д., даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую» [5, т. 2, с. 468]. Иными словами, согласно Ф. Энгельсу, в общественное бытие субъекта, т. е. в систему оснований его деятельности и сознательного выбора принципов и направленности этой деятельности, будут включаться не только экономические, но и другие отношения — социальные, политические, идеологические, сложившиеся культурные формы, лежащие в их основе ценности. Все они будут составлять ту реальность, в которой как сложившейся до него данности, находит себя некоторый коллективный субъект.

Дальнейшее рассмотрение формулы, выражающей материалистическое понимание истории, предполагает уточнение представления об общественном сознании или, как следует из сказанного, о сознании социального субъекта и соотношении его с понятием бытия. На этом пути необходимо, на наш взгляд, выделить основные типы сознания, имеющие значения для понимания способа существования коллективного субъекта. Определение таких типов сознания должно исходить, по нашему мнению, из той его особенности, которая конституирует сам способ существования человека как существа разумного. Такой особенностью является способность рефлексии. Как писал Тейяр де Шарден, для понимания сущности человека необходимо «решительно устранить из совокупности человеческих поступков все второстепенные и двусмысленные проявления внутренней активности и рассмотреть центральный феномен — рефлексия» [7, с. 136]. Благодаря рефлексии, которую он понимает как приобретенную сознанием «способность сосредоточиться на самом себе и овладеть самим собой как предметом, обладающим своей специфической устойчивостью и своим специфическим значением, — способность уже не просто познавать, а познавать самого себя; не просто знать, а знать, что ты знаешь», «живой элемент, до того распыленный и разделенный в смутном кругу восприятий и действий, впервые превратился в точечный центр, в котором все представления

и опыт связываются и скрепляются в единое целое, осознающее свою организацию» [там же].

Естественно способность к рефлексии может быть более или менее развитой. Наиболее простой уровень сознания с понятными допущениями может быть определен как нерелективный, примерно то, что имел, видимо в виду В.И. Ленин, в приведенном выше примере, «растворяя» сознание в общественном бытии. Данное определение, конечно, надо принимать с большими оговорками, поскольку, по-видимому, некоторая степень рефлексии присутствует и на этом уровне. Здесь она существует в самых простых формах и связана с повседневной рутинной деятельностью, обобщением практического опыта, когда, по словам Вебера, «реальное действие сопровождается неотчетливым полусознанием или фактической неосознанностью его субъективного значения». Примером такого уровня осознания смысла осуществляемой деятельности может быть приводимое Ф. Броделем действовавшее в XVI в. правило изменчивости веса, установленное на основе многолетнего опыта торговли хлебом. Суть его в том, что в зависимости от конъюнктуры мог меняться вес, но не цена хлеба [2, с. 156].

В этих условиях «всякая попытка постичь воплощенные в действиях глубинные значения, то есть понять мотивы «для того чтобы» и «потому что», которыми руководствуется индивид, может показаться безнадежной в силу неосознаваемого характера глубинных предпосылок, на которых зиждется социальная жизнь» [6, с. 312]. Обычно это уровень мифологизации реальности, в которой находит себя человек. Здесь действие во многом выступает как своего рода обряд, имеющий не столько рациональный, сколько магический смысл. Миф выступает, с одной стороны, как способ формирования мира, в котором находит себя субъект, а с другой, как средство самоидентификации субъекта деятельности. Этот уровень выступает как своего рода субстанция, из которой вырастают более развитые формы сознания.

В этой связи хотелось бы указать на определенную ограниченность точки зрения, согласно которой историческую реальность, составляющую предмет исторической науки, образуют лишь акты рефлективной мысли [3, с. 296]. Отрицая нерелективное бытие, данная позиция как бы выводит за рамки предмета научного познания повседневное существование людей, с одной стороны, аккумулирующее, «заземляющее» на себя рефлективные формы сознания, а с другой стороны, выступающее для них «питательной средой». Кстати говоря, огромное значение исследования структур повседневности показал Ф. Бродель в цитированном выше труде.

Формами рефлективного сознания выступают концептуальные, специализированные типы сознания — наука, идеология, философия, богословие. Наряду с ними можно говорить и о сознании, связанном с неспециализированной рефлексией, осуществляемой в рамках непрофессионального сознания. Данный тип рефлексии может использовать популярные представления, просачивающиеся из сферы научного сознания во внеаучную культуру. Тип субъектов, носителей этого типа сознания, — непрофессиональные (имеется в виду непрофессионализм в области социальных наук) общности. Основу таковых могут составлять этнические общности, классы, поселенческие общности, социальные и профессиональные группы и пр.

Возможность выделения этого уровня связана с тем, что рефлективность в определенной форме может существовать и на уровне обыденного сознания, когда осуществляется выявление значения производимых действий, рационализируются мотивы, побуждающие к ним. Это уровень непрофессиональной рационализации, на котором фиксируются некоторые повторяющиеся тенденции, обобщения прак-

тического опыта. Мифологизация сознания на этом уровне не исключается, но в значительной степени уступает место рациональному мышлению.

В целях дальнейшего переосмысления формулы материализма «общественное бытие определяет общественное сознание» рассмотрим соотношение понятия общественного бытия с понятием социальной реальности. Несмотря на то, что они нередко употребляются как взаимно заменяемые, можно выделить смысловой оттенок, позволяющий различать эти понятия, и благодаря этому зафиксировать важную мировоззренческую тему, ускользающую при синонимичном их употреблении. Главное различие состоит, на наш взгляд, в том, что понятие «общественное бытие» в марксистской литературе всегда обретало свой категориальный статус через отношение к понятию «общественное сознание», в соответствии с которым общественное сознание трактуется как отражение общественного бытия.

Понятие «социальная реальность», на наш взгляд, обретает свой смысл в ином отношении. Оно выражает активность субъекта как деятельного существа, обладающего способностью рефлексии, и полагающего в своей сознательно-преобразующей деятельности эту реальность. Здесь вспоминаются знаменитые слова Маркса о том, что «главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность, берется только в форме *объекта* или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно*» [5, т. 2, с. 383].

Подобный ход мысли в связи с темой рефлексии мы встречаем и у Тейяра де Шардена, отмечавшего, что возникновение рефлексии — это возникновение нового мира. Рефлектирующее существо оказывается существом, создающим свой собственный мир. «Абстракция, логика, обдуманый выбор и изобретательность, математика, искусство, рассчитанное восприятие пространства и длительности, тревоги и мечтания любви... Вся эта деятельность *внутренней жизни* — не что иное, как возбуждение вновь образованного центра (рефлексии — В. А.), воспламеняющегося в самом себе» [7, с. 136].

Идею о том, что реальность полагается деятельностью коллективных субъектов утверждает феноменологическая социология. Согласно этому направлению содержание социальной реальности составляют не сами по себе объективированные организационные структуры, а те правила, которые принимают на практике участники взаимодействия. «Если воздержаться от веры в «реальность» организационных структур, — пишет Д. Силвермен, — возникает возможность разработать иной подход, сосредоточивающий внимание на том, как используют участники правила для определения и интерпретации деятельности» [6, с. 294–295].

В этой связи хотелось бы заметить, что в этом же направлении развивается представление о реальности науки в современной методологии. В соответствии с ним реальность конкретной науки — физическая, биологическая и пр. не есть нечто существующее абсолютно независимо от человека, его познавательной деятельности, а представляет собой систему конструкторов, выражающую определенный уровень развития науки. Эти конструкторы призваны создать реальность, в которой существует и ведет исследование научное сообщество, представляющее некоторую область науки.

Концепция реальности науки в первую очередь разрабатывалась в методологических исследованиях естественнонаучного познания. В методологии социального познания, несмотря на то, что человеческая наполненность социальной реальности, казалось бы, лежит на поверхности, подобные идеи приживались значительно хуже. Такое положение связано, на наш взгляд, с тем, что социальное познание, как

никакая область науки, находится под мощным прессом идеологии, претендующей обычно на подлинное знание действительности и соответственно на отражение подлинных интересов народа. Что касается методологии естественнонаучного познания, то она является наиболее удаленной от идеологии, наиболее автономной по отношению к ней областью философского знания, что и позволило ей выйти за жесткие рамки идеологической регламентации.

Тем не менее, у нас нет оснований для отказа от перенесения данного способа мышления на область социальных наук. Как отмечает один из представителей феноменологического направления в социологии Д. Силвермен, «социологическое исследование, прибегнув к языку социологии, порождает реальный мир с его упорядоченными свойствами. И этот процесс трудно отличить от того, как мы объективируем повседневный мир в разговоре или взаимодействии, когда само использование языка заставляет нас принимать во внимание одни заранее предложенные свойства и ситуации и игнорировать другие» [Там же, с. 308].

Концептуально-рефлективное сознание предполагает оперирование понятийным аппаратом науки, изучающей соответствующую сферу общественной жизни и общественной практики — экономическую, политическую, правовую. Очевидно, что оно свойственно определенному типу субъектов, а именно научному сообществу. Этот тип сознания полагает особый тип реальности, в которой живет ученый, принадлежащий к данному сообществу.

Заметим, что здесь следует различать уровни концептуализации и соответственных типы реальности, в которых пребывают те или иные субъекты, выражаемые используемыми в современной методологии науки понятиями «теоретическая схема» и «картина мира». Под картиной мира обычно понимают выражение структуры, общих особенностей той предметной области, с которой имеет дело конкретная наука. От теоретической схемы она отличается тем, что онтологизация составляющих ее конструктов представляется достаточно очевидной и для непрофессионального сознания; ее язык обычно ближе к естественному языку. Теоретические термины, составляющие в своем единстве абстрактные модели, образуют реальность, в которой пребывает профессионал-ученый.

Можно сказать, что картина мира выступает своеобразным посредствующим звеном между концептуально-рефлективной формой реальности и образом, создающимся не концептуальной рефлексией. В каком-то смысле картина социального мира — это реальность научного сообщества как представителя определенной культуры; в ней рефлексия наполняется ценностями, формирующимися за пределами научного сообщества. Картина социальной реальности, с одной стороны, согласовывает внутринаучное и вненаучное бытие членов научного сообщества, а с другой, также приобщает бытие других социальных субъектов к концептуальным формам, предлагаемым научным сообществом. Бытие научного сообщества включается в общий поток социального бытия через картину социальной реальности.

Содержание теоретической схемы оправдывается целостностью и завершенностью теоретического построения, его интерпретируемостью результатами эксперимента. Теоретическая схема, как и картина мира, представляет собой особую форму реальности, в которой находит себя субъект определенного типа. Эта форма, с одной стороны, характеризуется наиболее высокой степенью концептуализации, а с другой, утратой богатства и непосредственности реальности формируемой на уровне обыденного сознания.

Таким образом, социальная реальность, будучи полагаемой деятельностью определенного субъекта, имеет двойственную природу. С одной стороны, она формируется

субъектом, выделяется им из окружающего природного и социального мира и наполняется определенным смыслом в процессе ее категориального выражения. Это может быть реальность социальных фактов, увиденная Дюркгеймом, социальных взаимодействий в духе Вебера, классового противостояния, составлявшего образ реальности, из которого исходил марксизм и пр. С другой, она осознается им как некоторая объективность, существующая независимо от него как *бытие*, определяющее содержание его размышлений по поводу этой реальности. Данное противоречие между двумя сторонами социальной реальности определяет источник внутреннего динамизма бытия, его внутренний смысл. Бытие сознания также может быть представлено как имеющее двойственную природу в том смысле, что оно раздваивается на сознание бытийствующее и сознание рефлексивное. Причем для различных субъектов и различных типов сознания диалектика этих двух форм может иметь свой особый вид.

Конечно, можно поставить метафизический вопрос и о том, что собой представляет реальность общества в целом. Не требуется особых интеллектуальных усилий для того, чтобы увидеть ее эмпирическую неуловимость. Именно поэтому декларация об отражении общественного бытия в общественном сознании является малоосмысленной.

Предел конкретности представления о реальности общества в целом заключен в суждении, что социальная реальность — сложный и внутренне неоднородный феномен. Фундаментальным фактором, определяющим неоднородность социальной реальности, является уровень и содержание рефлексии составляющих общество коллективных субъектов. Самое большое, что можно сказать об общественном бытии — это степень согласованности реальностей, в которых пребывают различные субъекты.

Предлагаемая парадигма представления социальной реальности позволяет более предметно понимать практику социальных преобразований, направленных на формирование единства общества. Включая в себя социально-экономические преобразования, эта практика не должна останавливаться на формуле «общественное сознание отражает общественное бытие». Необходимо постоянно иметь в виду множественность «реальностей», соответствующую множеству коллективных субъектов, по-разному полагающих свой мир и по-разному рефлектирующих на тему его природы. Поэтому задача такой практики будет состоять во взаимной интерпретации различных реальностей, носителями которых являются различные социальные субъекты. Эта взаимная интерпретация осуществляется в сложном и непрерывно совершающемся процессе духовной жизни, в произведениях искусства, богословских текстах, философских трактатах, публицистических статьях, соотносящих различные бытийные парадигмы и развивающих рефлексии по поводу этих парадигм.

Литература

1. Барулин В. С. Социальная философия. М., 2000.
2. Бродель Ф. Структуры повседневности. Возможное и невозможное. М., 1986.
3. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.
4. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Полн. собр. соч. Т. 18. М., 1973.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения: в 2 т. М., 1949.
6. Новые направления в социологической теории. М., 1978.
7. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.
8. Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 4. М., 1967.

Об авторе:

Александров Владимир Борисович, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; vladboralex@mail.ru

References

1. Barulin V.S. Social philosophy. M., 2000. (In rus)
2. Braudel F. Structures of daily occurrence. Possible and impossible. M., 1986. (In rus)
3. Collingwood R.J. The idea of history. Autobiography. M., 1980. (In rus)
4. Lenin V.I. Materialism and empiriocriticism. Collection of works. V. 18. M., 1973. (In rus)
5. Marx K., Engels F. The chosen works in two volumes. M., 1949. (In rus)
6. The new directions in the sociological theory. M., 1978. (In rus)
7. Teilhard de Chardin P. The Phenomenon of Man. M., 1987. (In rus)
8. Philosophical encyclopedia. In 5 v. V. 4. M., 1967. (In rus)

About the author:

Vladimir B. Aleksandrov, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; vladboralex@mail.ru